

Александр Габриэль

Ничего помножив на нигде

Наши

Не в силах без эмоций ждать трамвая,
мы боремся. Мы напрягаем круп,
поскольку наша группа целевая
прекраснее иных подобных групп.
Волнующее, родоплеменное,
сидящее в посконной глубине
взбуждает мутной пеной паранойи,
томящейся на медленном огне.
Свои всегда способнее и краше,
чем те, кто вне родства и за межой.
И наши лучше, потому что — наши.
Чужой виновен сам, что он чужой.

Носитель потребительской корзины
выходит с транспарантами на стрит,
крича: — Армяне лучше, чем грузины!
— Чем лучше?!
— Чем грузины! — говорит.
Пока слагал сонеты про ланиты
любимой романтический пиит,
в песках друг друга резали сунниты,
понять пытаюсь, кто из них шиит.
Движок в авто — давно как на пределе,
и жизнь — пустой прокуренный чулан...
Нас и самих-то нет на самом деле —
есть Родина, религия и клан.
Пьём залпом кислородные баллоны,
и рвём сердца, и рвёмся из аорт...

«Зачем мы все глядим в наполеоны?» —
спросил Кутузов, разрезая торт.

Габриэль Александр Михайлович — поэт. Родился в 1961 г. в Минске. Инженер-теплотехник по образованию. Член международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). С 1997 года живет в Бостоне (США).

Распыл

Вот такая была любовь. Половинка, что ль?
Или просто односторонняя, как диод...
Но лишь я один ясно чувствовал эту боль
и напрасно искал через злые стремнины брод.
Вот такая была любовь — как больной в бреду,
словно путник двух горьких горестей посреди.
И когда я, терзая нервы, кричал: «Уйду!» —
ты, плечами пожав, ответствовала: «Иди...»
Я кораблик бросал по волнам, я терял штурвал;
я твоей нелюбви был ходячий, живой вешдок,
потому что ошейник собачий мне горло рвал,
и звенел, как струна, натянутый поводок.
Я был сер, как асфальт, ты — цветною, как конфетти,
я дышал лишь твоей отравленной мишурой
и остаться не мог. Но стократ я не мог уйти.
Ведь куда бы ни шёл, всё равно — как солдат сквозь строй.
Безразличьем твоим я был пушен сто раз в распыл,
и когда уходил, ты навряд ли глядела вслед...

Я твердил, что забуду. И вот, посмотри — забыл.
Сквозь десятки сердечных швов.
И десятки лет.

Полковник

Не бессонница, нет. Но зачем-то судьба наградила
снами жизнью чужих, приходящими глупо и вдруг.
Я — военная косточка. Имя моё — Буэндиа.
И никто не проникнет в песочный начертанный круг.

Шпринк мне пишет в диагнозе, дескать, я *passive-aggressive*;
сыновья полагают, что я не от мира сего...
Мне героем не стать. Я по крови не лётчик Маресьев.
Я вещичка в себе — но в Макондо таких большинство.
Так бывает порой: все пути состоят из обочин —
там и будет пикник, чтоб с другими не вместе, а врозь...
Был однажды живым — но увы, получалось не очень.
Попытался стреляться — и с этим, увы, не срослось.
Ни о чём не прошу, лишь о крохотной собственной нише.
Обхожусь без друзей, познаваемых только в беде.
На земле — ничего. Нелюбовь да текущие крыши
по причине дождей, от которых не скрыться нигде.
В этих тягостных снах я пустой, как ночная аллея,
и просеяно время сквозь мыслей моих решето...
Я, наверное, вечен и, значит, дождусь юбилея:
моему одиночеству скоро исполнится сто.

Цена слов

Время нас оплетёт, как сентябрьскую муху паук,
изъязвит, как проказа уставшее тело Иова...
Что от нас остаётся? Один только свет или звук.
Но, увы, не всегда. Иногда ни того, ни другого.
Слово слову не ровня. Различны их вес и цена.
Глянь: вот это бесплотно, как пух, а другое — железно...
Иногда от записанных слов остаётся одна
пустота, равнодушный мираж, безвоздушная бездна.
Только хочется верить, что в будущем мареве лет
через толщи случайных словес и забвенья цунами
чей-то чуткий радар, что настроен на звук и на свет,
отличит от нуля то, что было придумано нами.

Ноябри

Проигранными вдребезги пари,
не верными ни богу, ни отчизне
бродячими котами ноябри
приходят в неприкаянные жизни.
И всё трудней хранить в себе тепло;
звучат шаги потерянно и гулко...
Глядит на всех затравленно и зло
трубопровод сырого переулка,
где ты бредёшь, где хмарь и пустота,
где серые заплаканные стены,
и на лице опавшего листа
арабской вязью выделились вены.
Здесь корабли дрейфуют на воде
вслепую, потеряв свои пенаты.
Здесь, *ничего* помножив на *нигде*,
ты вычислишь свои координаты.
Когда, холодной мрачностью дыша,
порывом ветра ломкий воздух вспорот,
куда-то в пропасть падает душа,
как мёртвый дождь на полумёртвый город.

Уход

Вот человек уходит. Как талый лёд,
как самолётный след, как простудный вирус...
А на губах — болезни седой налёт.
Сами же губы — ломкий сухой папирус.

Жизнь превратилась в тень, ветерок, зеро.
Больше не будет времени, чтоб проститься...
Где-то, в каком-то дьявольском турбюро
снова в продаже туры по водам Стикса.

Не повернуть обратно на той черте,
и не свести иначе баланс по смете...
Поздно. И в полумраке застыли те,
кто осознали смерть, но не верят смерти.